

Худякова Людмила Семеновна — заведующая отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, кандидат экономических наук.

Сидорова Елена Александровна — заведующая сектором международных валютно-финансовых отношений ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, кандидат экономических наук.

Lyudmila S. Khudyakova — Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences.

Elena A. Sidorova — Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences.

Статья подготовлена в рамках НИР «Формирование полицентричного миропорядка: риски и возможности для России» программы Российской академии наук КП 19-268 «Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования».

Миграционная политика Европейского союза: новые стратегии и перспективы

УДК 314.7

DOI: 10.33917/es-7.165.2019.66-73

В статье анализируется миграционная политика ЕС после кризиса беженцев 2015 г. Показана эффективность антикризисных миграционных мер ЕС при отсутствии такой же степени эффективности существующих правил миграционной политики. Показано, что приток мигрантов оказывает благотворное влияние на демографическое положение ЕС. ЕС необходима миграционная стратегия, которая учитывала бы повышение значения миграции для макроэкономического развития Союза.

Ключевые слова

Европейский союз (ЕС), миграционный кризис, миграционная политика, цели устойчивого развития.

Регулирование миграционных потоков привлекает внимание политиков, экспертов-аналитиков, гражданского общества как в ЕС в связи с миграционным кризисом 2015 г., так и в мире. В 2015 г. в рамках Повестки дня ООН – 2030 приняты Цели устойчивого развития (ЦУР), включающие вопросы миграции (цели 8.8; 10.7; 10.c) [1]. Тем самым зафиксирована значимость миграции для обеспечения устойчивого, сбалансированного и инклюзивного экономического роста.

Эксперты ООН отмечают наличие проблем со статистикой по миграции: в принятой в сентябре 2016 г. на саммите ООН Декларации по беженцам и мигрантам было признано, что имеются пробелы в данных о миграции [2].

В декабре 2018 г. на межправительственной конференции в Марракеше большинством голосов (152) было одобрено первое в истории соглашение ООН по международной миграции — Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции [3]. И хотя документ не имеет обязывающего характера и подтверждает суверенное право на проведение собственной миграционной политики, США, Австралия, Израиль и ряд стран ЕС выступили против. Критика документа ведется по тем же направлениям, что и внутри ЕС, поэтому миграционную политику ЕС необходимо рассматривать как составную часть глобальных процессов, хотя и с существенными особенностями.

Общие положения и подходы

Миграционный кризис 2015 г. выявил противоречия между членами ЕС по вопросам распределения миграционной нагрузки, показал, что решение подобных проблем требует сотрудничества и компромиссов при координации действий. Обычно любой кризис, имея негативные последствия, создает и предпосылки для обновления и разработки новых стратегий. Комплекс

European Union Migration Policy: New Strategies and Prospects

The article analyzes the EU migration policy after the refugee crisis of 2015. The effectiveness of anti-crisis migration measures of the EU is shown, while the absence of the same degree of effectiveness of existing rules of migration policy is observed. It is shown that the influx of migrants has a beneficial effect on the demographic situation of the EU. The EU needs a migration strategy that considers the increasing importance of migration for the macroeconomic development of the Union.

Keywords

European Union, migration crisis, migration policy, sustainable development goals.

мер в отношении внешней иммиграции, принятых странами ЕС в 2015 г. (в том числе для противодействия незаконной миграции), и договор, заключенный с Турцией в 2016 г., имели главным образом антикризисный характер и в этом качестве принесли определенные позитивные результаты. Однако для повышения эффективности управления миграционными процессами нужна комплексная превентивная долгосрочная стратегия с тем, чтобы использовать преимущества легальной миграции и отвечать на возникающие вызовы.

Драйвером миграционных процессов выступает совокупность политических, экономических и социальных факторов, что и определяет масштабы и направления миграции. Один из важнейших — демографический фактор, причем как для принимающих стран, так и для стран происхождения мигрантов. В первом случае речь идет о старении населения, сокращении доли лиц трудоспособного возраста («демографическая дыра»), во втором — об избытке молодежи, не находящей себе применения на родине и эмигрирующей в поисках лучшей жизни.

Значимую роль играют активность национальных диаспор в принимающих странах, социальная политика в отношении мигрантов, географические и исторические связи, в том числе языковая общность. Сказанное относится к добровольным мигрантам. В случае вынужденных мигрантов, претендующих на статус беженцев, это рост вооруженных конфликтов и их следствия. В соответствии с Конвенцией ООН о статусе беженцев 1951 г. ЕС обязан предоставлять политическое убежище лицам, страдающим от преследования или опасностей войны, выполнять положения Конвенции о правах человека, что, согласно высказываниям еврочиновников, полностью соответствует европейским ценностям.

Ежегодный приток мигрантов в ЕС, 2014–2017 гг., млн человек

Типы миграции	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Внутрирегиональная	1,3	1,4	1,4	1,4
Возвратная*	0,9	0,9	1,0	1,0
Внешняя	1,6	2,3	2,0	2,0
Всего	3,8	4,7	4,3	4,4

* Лица, имеющие паспорт страны — члена ЕС и вернувшиеся в эту страну.

Источник: [8]

➤ Новая концепция миграционной политики ЕС требует серьезной проработки, необходимого финансирования и «гибкой солидарности».

Именно приток беженцев, прежде всего нелегальных мигрантов из Сирии, Ирака, Афганистана и других стран, где имеют место военные конфликты, вызвал негативную реакцию в европейских странах, что использовалось крайне правыми партиями для привлечения избирателей. В связи с этим нельзя не согласиться с экспертами ИМЭМО РАН в том, что «в современной Европе ценностные ориентиры находятся в противоречии друг с другом: ...толерантность и отсутствие дискриминации, лежащие в основе европейского гуманизма, с одной стороны, и сохранение демократии как основы европейского проекта — с другой» [4].

Только эффективное регулирование миграционных процессов в ЕС может как-то смягчить такое противоречие. Необходимо четко разделять мигрантов на легальных и нелегальных; беженцев; трудовых мигрантов, в том числе высококвалифицированных; студентов; временных рабочих и т.д. Для каждой из групп нужен свой режим регулирования.

Кризис 2015 г. в основном привлек внимание к проблеме беженцев в ЕС. Однако в условиях глобальной конкуренции за человеческий капитал дифференциация отбора трудовых мигрантов, статус их пребывания и интеграции приобретает не менее важное значение.

В «Европейской повестке по миграции», включающей «задачи и необходимые шаги на сегодня и на перспективу» [5, р. 2], отмечалось, что ЕС должен сочетать международные обязательства и европейские ценности с обеспечением безопасности внешних границ и сохранять привлекательность для талантливых студентов, исследователей, квалифицированных работников.

Миграция в ЕС: статистика

После кризиса 2008–2009 гг. миграционные потоки возросли не только в совокупности, но и внутри ЕС (см. таблицу). Последние росли, составив к 2013 г. около 8 млн человек [6]. К 2016 г. накопленная внутренняя миграция в ЕС составила 16 млн человек [7].

Накопленная *внешняя* миграция к 1 января 2018 г. составила 22,3 млн человек (4,4% населения ЕС-28), а накопленная *внутрирегиональная* миграция — 17,6 млн. Суммарно это составило почти 40 млн (7,5%) населения ЕС, где средний возраст на ту же дату был 43,1 года, а средний возраст мигрантов — 28,3 года. Лидерами по числу внешних мигрантов были (млн чел.): ФРГ (9,7), Великобритания (6,3), Италия (5,1), Франция (4,7), Испания (4,6), принявшие на 1 января 2018 г. 76% внешних мигрантов. Из получивших гражданство ЕС 27% — выходцы из Африки; 21 — из европейских стран, не являющихся членами ЕС; 21% — из Азии. В первую «миграционную» тройку вошли Марокко, Албания, Индия [8, р. 8–9, 16].

В 2015 г. приток беженцев вследствие конфликтов в регионах их проживания вкупе с бюджетными проблемами ряда принимающих стран выявил недостатки миграционной политики ЕС (например, расхождения в стандартах предоставления убежища в различных странах) [9, р. 314].

В 2014 г. в ЕС 72% всех заявлений было подано в пять стран (ФРГ, Швеция, Италия, Франция, Венгрия), несмотря на принятие тогда же формы регулирования («Дублинская система», которая инкорпорировала в право ЕС основные принципы Дублинской конвенции 1990 г.), что демонстрирует его недостаточную эффективность [5, р. 13]. Треть поданных в 2015 г. заявлений пришлось на ФРГ. По подсчетам экспертов, сотни тысяч мигрантов, приехавших с 2015 г. в ФРГ, способны ускорить рост экономики на 0,2 п.п. ВВП в год, что сопоставимо с экономической программой стимулирования экономики в краткосрочной перспективе [10].

В марте 2016 г. после заключения соглашения с Турцией поток беженцев из Турции в Грецию упал с 10 тыс. человек (осень 2015 г.) до 80 человек в день (рис. 1). За 10 месяцев «почти 1 млн человек не приехал в ЕС; 10 тыс. сохранили жизнь, не пытаясь это сделать» [11, р. 2].

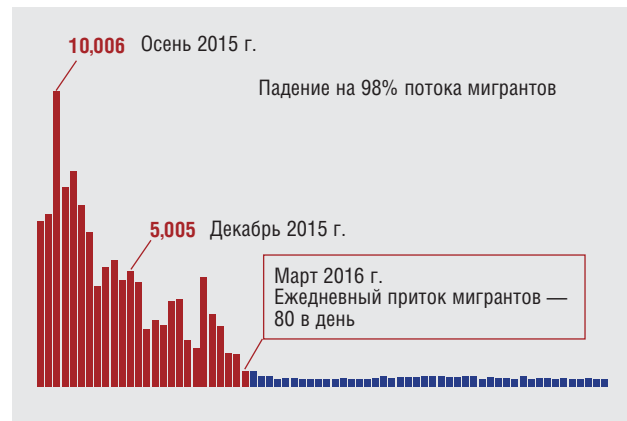
После пика в 2015 г. приток беженцев стал резко снижаться. Так, за первые пять месяцев 2019 г. в ЕС приехал 26 621 человек по основному направлению — средиземноморскому (рис. 2).

Финансирование миграционной политики в ЕС

Миграционная политика ЕС имеет наднациональную и национальную части, причем основные расходы несет не Союз, а страны. Несмотря

Рисунок 1

Ежедневный приток мигрантов через Грецию в ЕС до и после соглашений ЕС и Турции 2016 г.

Источник: [11, р. 2]

Рисунок 2

Ежегодный приток беженцев в ЕС по основным средиземноморским направлениям, 2015–2019 гг., чел.

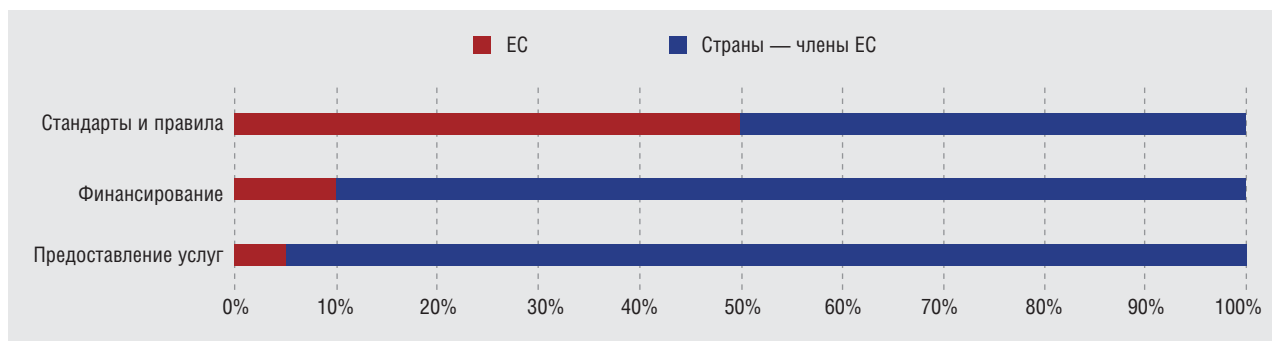
Источник: [12]

на принцип солидарности, в вопросах миграции ее часто не хватает: так, с конца 2013 г. (еще до миграционного кризиса) правительство Италии запустило программу *Mare Nostrum* стоимостью свыше 100 млн евро в год и запросило помощи у ЕС, которая не была предоставлена. Эффективность программ ЕС *Triton* и *Sophia* была оценена весьма критически в силу не только малоэффективного разделения полномочий, но и скромного финансирования [13].

При этом нельзя сказать, что принцип солидарности вообще не работает: только в 2013 г. Греция получила 82,7 млн евро от европейских фондов — Европейского фонда беженцев, Фонда внешних границ и Фонда возврата, которые были частью программы «Солидарность и управление миграционными потоками» с совокупным финансированием в 5,8 млрд евро на 2007–2013 гг.

Рисунок 3

Распределение полномочий между ЕС и странами ЕС по действующим правилам предоставления убежища

Источник: [14, р. 5].

Фонды позволяли финансировать и реализацию чрезвычайных мер: в 2013 г. девяти странам ЕС было выделено 36,3 млн евро на преодоление последствий сирийского кризиса беженцев. В апреле 2014 г. эти фонды были замещены единой структурой — Европейским фондом предоставления убежища, миграции и интеграции (AMIF). С 2014 по 2020 г. фонд, как предполагается, выделит 3,1 млрд евро. Минимум 20% этих средств идет на поддержку легальной миграции, еще 20% — на предоставление убежища.

Фонд AMIF в Многолетней финансовой программе (МФП) 2014–2020 гг. занимает скромное место. Подавляющая часть средств (2,752 млрд) — софинансирование национальных мер; 385 млн (55 млн в год) — *наднациональные* европейские меры (рис. 3).

Ресурсы AMIF распределяются по странам в соответствии с общим числом мигрантов; так, для ФРГ это означает дополнительные 208 млн евро, или менее 30 млн в год [14, р. 5].

Финансовые проблемы ряда стран юга Европы не позволили им в полной мере воспользоваться этим Фондом: сама процедура доступа к его средствам препятствует их получению [9, р. 317]. Все негосударственные организации, занимающиеся вопросами миграции, сначала должны потратить собственные средства, прежде чем Фонд их возместит; иногда предполагаемые затраты для организаций слишком велики.

По итогам саммита в 2015 г. на Мальте был сформирован Европейский трастовый фонд (EUTF) в 3,3 млрд евро для устранения причин миграции по средиземноморскому направлению [15, р. 3]. За 2015–2017 гг. ЕС предоставил более 1 млрд

евро Греции, 655 млн евро Италии, 259 млн евро Болгарии. Свыше 3 млрд евро выделено на поддержку сирийских беженцев в Турции (EU — *Turkey Facility*). Европейский фонд устойчивого развития к 2020 г. создаст механизм финансирования объемом свыше 44 млрд евро для соблюдения ЦУР, в том числе и по миграции [11, р. 3–4].

Перенос полного финансирования миграции на уровень ЕС потребовал бы дополнительных расходов фонда AMIF в бюджете ЕС в 30 млрд евро ежегодно (рост Общего бюджета на 20%), на что ни одна из стран ЕС не согласится. С учетом текущего объема фонда AMIF (3,137 млрд евро на 7 лет) это означало бы рост примерно в 70 раз. Такие дополнительные расходы оцениваются в 0,21% ВВП ЕС [14, р. 2–3, 12].

В 2018 г. ЕК предложила проект новой МФП 2021–2027 гг., который должен быть принят к концу 2020 г. [16] с различными вариантами формирования Общего бюджета ЕС и МФП и с учетом новых вызовов. В проекте предло-

➤ **Международная миграция — неотъемлемая часть современных процессов глобализации.**

жено поднять внешние расходы на 26%; объединить 12 действующих финансовых инструментов, занимающихся вопросами миграции, в одну структуру¹; упростить структуру расходов ЕС, включив в бюджет внебюджетный Европейский фонд развития (EDF) в 30,5 млрд евро. В Проекте предусмотрен учет положительного опыта созданных в 2015–2016 гг. специальных финансовых инструментов ЕС (например, EUTF).

Трансформация миграционной политики ЕС

ЕС реформирует миграционную политику, однако нерешенной остается проблема разделения полномочий между наднациональными и национальными институтами — эта прерогатива долгое время сохранялась за национальными правительствами в силу и исторических причин.

В Амстердамском договоре (1999 г.) была зафиксирована необходимость перевода на уровень ЕС ряда вопросов, в частности затрагивающих политику, относящуюся к свободному передвижению лиц: предоставление виз, убежища, иммиграции и др. В результате миграционная политика стала предметом *смежной* компетенции. Однако страны-члены оставили за собой право контролировать объем притока иностранной рабочей силы на национальные рынки.

По вопросам принятия той или иной инициативы ЕС в сфере миграционной политики, если ее поддерживают более девяти стран-членов, действует принцип «Европы разных скоростей», то есть имплементация осуществляется только в странах, готовых к сотрудничеству. Кроме того, институты ЕС получили право на заключение соглашений со странами — экспортерами рабочей силы по вопросам реадмиссии, борьбы с торговлей людьми, а также оказания в ряде случаев финансовой помощи [17]. В итоге появился сложный для понимания и эффективного финансирования и функционирования конгломерат компетенций.

➤ Было бы иллюзией считать, что миграцию можно запретить или остановить; ее можно только упорядочить.

Де-факто осенью 2015 г. произошел крах европейской миграционной политики, в особенности Европейской системы предоставления убежища (CEAS), которая к тому моменту представляла собой очень сложный и многоступенчатый механизм.

В мае 2015 г. Еврокомиссия (ЕК) предложила Европейскую повестку дня по миграции с целью гармонизации режимов предоставления убежища по всем странам ЕС. К основным направлениям реформы [5, р. 4–5] отнесем четкое определение компетенций, целей, обязательств для того уровня, который экономически и политически приемлем для стран ЕС; определение финансовых средств и инструментов для реализации основных целей; налаживание партнерства с ключевыми странами-транзитерами (например, Турцией) и странами происхождения мигрантов (попытка отрегулировать потенциальные миграционные потоки *in situ*). Пока отметим успех третьего блока реформы — соглашения с Турцией, а также (в рамках помощи развитию) работы с африканскими странами.

В 2016 г. начал исследовательский проект *Medam*, посвященный анализу миграционной политики ЕС и разработке планов ее долгосрочного реформирования [18]. Тогда же ЕС начал крупную реформу системы CEAS, признав ее серьезные недостатки по крайней мере по четырем основным направлениям. Предложения ЕС включали в том числе изменение регламента *Dublin III*² для более устойчивой и справедливой системы определения ответственности страны ЕС в случае большого числа мигрантов; изменение регламента *Евродак*³ после внесения изменений в регламент *Dublin III*; разработку нового регламента с установлением единой процедуры предоставления убежища в ЕС, которая должна заменить, в частности, Директиву о процедуре предоставления убежища и ряд иных; предоставление мандата с расширенным финансированием и полномочиями [19].

Дублинская система, как признала и ЕК, «не была предназначена для обеспечения устойчивого разделения ответственности по стра-

нам ЕС» [20], но «попытки... не соблюдать Дублинские соглашения и правила ЕС по приему беженцев ведут к распатыванию самих устоев Евросоюза» [21].

Обсуждаемый проект МФП отражает приоритеты ЕС: необходимость дополнительного финансирования внешних действий, продвижение идеи прав человека, географически сбалансированное оказание помощи с учетом не только приоритетов ЕС; сотрудничество со странами происхождения мигрантов в рамках содействия устойчивому развитию этих стран.

В случае реализации курса на долгосрочные цели, а не на краткосрочные результаты ЕС может получить тройной выигрыш (*triple win*): эффективное управление миграционными потоками, сотрудничество в сфере развития и выигрыш для самих мигрантов [22, 23].

Новая концепция миграционной политики ЕС требует серьезной проработки, необходимого финансирования, «гибкой солидарности» и понимания того, что эффект от реформированной политики проявится лишь в долгосрочной перспективе. Взаимодействие руководящих органов ЕС и стран-членов будет более эффективным, если будет организовано по принципу «продвинутого сотрудничества», когда отдельные стратегии реализуются только теми страна-

ми ЕС, которые в состоянии (политически и финансово) это сделать.

* * *

Международная миграция — неотъемлемая часть современных процессов глобализации. Было бы иллюзией считать, что миграцию можно запретить или остановить; ее можно только упорядочить. Беспрецедентный и драматический по последствиям рост иммиграции в ЕС после 2015 г. требует широкой политической дискуссии о ее причинах и объективных предпосылках, а также разработки комплексной и долгосрочной миграционной стратегии, которая бы объединила усилия общеевропейских институтов и отдельных стран ЕС. ES

ПЭС 19109 / 30.10.2019

Примечания

1. К ним, в частности, относятся Rights, Equality and Citizenship Programme (439,5 млн евро), Justice Programme (378 млн евро) на 2014–2020 гг. и др.

2. Часть права ЕС, в которой определено, какое государство ЕС отвечает за рассмотрение ходатайства ищущих международной защиты просителей убежища.

3. EURODAC (с 2003 г.) — единая система сравнения отпечатков пальцев лиц, ищущих убежища.

Источники

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // ООН. 2015. С. 24, 26. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf.

References

1. *Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya na period do 2030 goda* [Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development]. ООН, 2015, pp. 24, 26, available at: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf.
2. *Handbook on Measuring International Migration through Population Censuses*. NY, UN, 2017, p. 3.
3. *The UN Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration*. Final Draft. 2018, July, 11.
4. *ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozitsii evropeiskikh stran* [The EU in the Face of Migration Crisis. Positions of European Countries]. Moscow, IMEMO RAN, 2016, p. 9.
5. *European Agenda on Migration*. European Commission, Brussels, 2015, available at: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-240-EN-F1-1.PDF>.
6. La eur J.-M., Stanek M. (eds.), et al. *EU Migration and the Economic Crisis: Concepts and Issues*. Li ge: IMISCOE Research Series, 2017, p. 6.
7. *World Migration Report 2018*. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2017, p. 72.
8. *Eurostat database. Migration and migrant population statistics*. Eurostat, 2019, available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/population-demography-migration-projections/data/database>.
9. Trauner F. Asylum policy: the EU's 'crises' and the looming policy regime failure. *Journal of European Integration*, 2016, no 38, pp. 311–325.
10. Onuchak V.A. Sotsial'nyi aspekt podderzhki malogo biznesa i problemy migratsii v Germanii [The Social Aspect of Supporting Small Businesses and the Problems of Migration in Germany]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, no 1, p. 190.
11. *Europe's migration and asylum policy — Small steps to make a big difference*. Brussels, 2017.

2. Handbook on Measuring International Migration through Population Censuses. NY: UN, 2017. P. 3.
3. The UN Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. Final Draft. 2018. July, 11.
4. ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 9.
5. European Agenda on Migration [Электронный ресурс] // European Commission. Brussels, 2015. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-240-EN-F1-1.PDF>.
6. La eur J.-M., Stanek M. (eds.), et al. EU Migration and the Economic Crisis: Concepts and Issues. Li ge: IMISCOE Research Series, 2017. P. 6.
7. World Migration Report 2018. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2017. P. 72.
8. Eurostat database. Migration and migrant population statistics [Электронный ресурс] // Eurostat, 2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/population-demography-migration-projections/data/database>.
9. Trauner F. Asylum policy: the EU's 'crises' and the looming policy regime failure // Journal of European Integration. 2016. N 38. P. 311–325.
10. Онучак В.А. Социальный аспект поддержки малого бизнеса и проблемы миграции в Германии // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 46. № 1. С. 190.
11. Europe's migration and asylum policy — Small steps to make a big difference. Brussels, 2017.
12. Migration flows: Eastern, Central, and Western Mediterranean routes. European Council, Council of the European Union [Электронный ресурс] // Consilium. 2019. June, 6. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/eastern-and-central-mediterranean-routes-09-2017/>
13. Carrera S., Hertog L. den. A European Border and Coast Guard: What's in a name? // CEPS Papers in Liberty and Security in Europe. 2016. N 88.
14. Berger M., Heinemann Fr. Why and How There Should Be More Europe in Asylum Policies // ZEW policy brief. 2016. N 1.
15. Cortinovic R., Conte C. Migration-related Conditionality in EU External Funding. Research Social Platform on Migration and Asylum, 2018.
16. Сидорова Е.А. Общий бюджет Европейского союза: чего ожидать в 2020-е годы // Экономические стратегии. 2018. № 8. С. 76–81.
17. Международная миграция и устойчивое развитие России. М.: Дело, (РАНХиГС), 2015. С. 55.
18. Flexible Solidarity: A comprehensive strategy for asylum and immigration in the EU. MEDAM Assessment Report on Asylum and Migration Policies in Europe. Kiel Institute for the World Economy, 2018.
19. An Introduction to the Common European Asylum System for Courts and Tribunals. A Judicial Analysis. European Asylum Support Office, 2016. P. 20–21.
20. Communication from the Commission to the European parliament and the Council. Towards a reform of the Common European Asylum System and enhancing legal avenues to Europe. Brussels, 2016.
21. Трофимова О.Е. Миграционные процессы в Евросоюзе: новые вызовы и риски // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 5. С. 132–145.
22. Hooper K., Newland K. Mind the Gap: Bringing Migration into Development Partnerships and Vice Versa. Migration Policy Institute, 2018.
23. Latek M. Interlinks between migration and development. EP, 2019.

12. *Migration flows: Eastern, Central, and Western Mediterranean routes. European Council, Council of the European Union. Consilium. 2019, June, 6, available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/eastern-and-central-mediterranean-routes-09-2017/>*

13. Carrera S., Hertog L. den. A European Border and Coast Guard: What's in a name? *CEPS Papers in Liberty and Security in Europe*, 2016, no 88.
14. Berger M., Heinemann Fr. Why and How There Should Be More Europe in Asylum Policies. *ZEW policy brief*, 2016, no 1.
15. Cortinovic R., Conte C. *Migration-related Conditionality in EU External Funding*. Research Social Platform on Migration and Asylum, 2018.
16. Sidorova E.A. Obshchii byudzhel Evropeiskogo soyuza: chego ozhidat' v 2020-e gody [The Common Budget of the European Union: What to Expect in the 2020s]. *Ekonomicheskie strategii*, 2018, no 8, pp. 76–81.
17. *Mezhdunarodnaya migratsiya i ustoichivoe razvitie Rossii* [International Migration and Sustainable Development of Russia]. Moscow, Delo, (RANKhiGS), 2015, p. 55.
18. *Flexible Solidarity: A comprehensive strategy for asylum and immigration in the EU. MEDAM Assessment Report on Asylum and Migration Policies in Europe*. Kiel Institute for the World Economy, 2018
19. *An Introduction to the Common European Asylum System for Courts and Tribunals*. A Judicial Analysis. European Asylum Support Office, 2016, pp. 20–21.
20. *Communication from the Commission to the European parliament and the Council*. Towards a reform of the Common European Asylum System and enhancing legal avenues to Europe. Brussels, 2016.
21. Trofimova O.E. Migratsionnye protsessy v Evrocoyuze: novye vyzovy i riski [Migration Processes in the European Union: New Challenges and Risks]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*, 2017, no 5, pp. 132–145.
22. Hooper K., Newland K. *Mind the Gap: Bringing Migration into Development Partnerships and Vice Versa*. Migration Policy Institute, 2018.
23. Latek M. *Interlinks between migration and development*. EP, 2019.